

Юлия Шувалова

Упражнения в одиночестве

Неоконченное эссе

16+

Юлия Шувалова

**Упражнение в одиночестве.
Неоконченное эссе**

«Автор»

2019

Шувалова Ю. Н.

Упражнение в одиночестве. Неоконченное эссе /
Ю. Н. Шувалова — «Автор», 2019

«Упражнения в одиночестве» — серия эссе, написанных с 2006 по 2019 гг. Автор размышляет об одиночестве и уединении, природе творчества, чтении и отношениях человека с Богом. «Отдавать — значит быть менее одиноким... Поэтому весь секрет в том, чтобы перестать просить о спасении и начать спасать других: от голода, смерти, насилия, невежества, нетерпимости, нехватки любви — и даже от их собственного одиночества». Книга публикуется в авторском переводе с английского языка.

© Шувалова Ю. Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
1	10
2	11
3	14
4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юлия Шувалова
Упражнение в одиночестве.
Неоконченное эссе

Посвящается моей семье

Предисловие

Это моя первая книга. Как бывает с некоторыми первыми книгами, на нее ушло довольно много времени. Жанр «неоконченное эссе», как я сама его определила, первоначально подразумевал, что я периодически писала посты в блоге и лишь потом решила объединить их в сборник. В процессе написания и составления они прошли путь от случайной подборки записей на тему одиночества и уединения до более осознанного намерения поделиться моими взглядами в надежде, что кому-то мои мнение и опыт могут быть полезны. Конечно, этот метод можно рассматривать и как способ бороться с одиночеством. Мне еще далеко до возраста и опыта Казановы, когда он засел за мемуары, но в данном случае я разделяю его точку зрения на то, могут ли другие заглянуть в мой внутренний мир: «моя жизнь – моя тема, а моя тема – моя жизнь». Я верю, что в моей книге можно найти что-то важное, и в то же время эта тема вовсе не исчерпана, отсюда название жанра.

По времени написания главы охватывают период с 2005 по 2015 год, когда первый вариант книги на английском языке был опубликован онлайн. Однако с тех пор я взялась за перевод книги на русский язык, и в 2018-2019 годах выяснилось, что без некоторых важных деталей книгу и вовсе нельзя считать дописанной. Так были дополнены главы 2, 3 и 7 и появились главы 16 и 18, частично изменены Введение и Предисловие. Этот опыт в качестве автора-переводчика даже заставил меня написать послесловие. В итоге читатель проследит мои «упражнения в одиночестве» от детских лет до 2019 года, когда был опубликован русский перевод книги.

На протяжении всей книги вы найдете упоминания о людях, чьи труды и мысли влияли на меня, поддерживали и развивали, поэтому я их здесь не перечисляю. Сноски я даю именно на те издания, которые читала я; при необходимости я указываю русский перевод, если таковой имеется. И я не упоминаю по именам тех, с чьим участием получились опыты, которые сподвигли меня написать книгу. Кого-то из этих людей уже нет с нами, других я по той или иной причине не хочу называть. Строго говоря, пусть я не могла не опираться на личный опыт, я никогда не считала его исключительно своим. Он был *моим* в силу *моих* обстоятельств, но мог быть и *вашим тоже*.

Эту книгу я посвящаю своей семье. Как я смогла понять, именно благодаря семье тема одиночества вообще возникла в моей жизни. Я опубликовала достаточно текстов, чтобы бабушка узнала об исполнении своего предсказания, потому что я стала писателем. Но мне так и не удалось закончить книгу до ее ухода. Что касается моих родителей, то им я обязана энным количеством «гордыевых узлов» одиночества, которые мне пришлось распутывать. Но, помимо образцов некоторых человеческих качеств, для меня бесценно то, что каждый из них внес в мою жизнь и что сделалось ее неотъемлемой частью: литература – от мамы, фотография – от папы и музыка – от них обоих.

Я благодарна своим ученикам, работа с которыми уже много лет подтверждает: прежде чем что-то обрести, нужно отдать, но этот процесс не может быть односторонним, и придет пора вам учиться принимать их доброту и благодарность за ваше терпение и принятие, а это бывает нелегко. Я благодарна друзьям, старым и новым. Наконец, я последую по стопам тех эксцентричных зарубежных ученых, которые в предисловиях благодарят своих кошек и собак. Я очень благодарна своим питомцам за то, что они мирно спали, пока я завершала сборник, и окончательно доказали мою правоту: одиночество уходит, когда вы делитесь своим временем и силами с теми, кому это по-настоящему нужно, ничего не требуя взамен.

Юлия Н. Шувалова

Москва, август 2019 года

Введение

Упражнения в одиночестве. Название пришло из ниоткуда, но мне нравится его двусмысленность, точнее – то разнообразие интерпретаций, которое оно предлагает. Я начала их писать в Англии, где я жила несколько лет, и закончила в России. Этим объясняется, например, почему первый вариант книги был написан на английском: это был мой основной язык в момент, когда я стала систематически обращаться к теме одиночества.

Я называю эти эссе «упражнениями», потому что они все задумывались как наброски. У меня никогда не было цели превратить их в полное, детальное исследование одиночества. Сегодня мы живем в мире, где рядом с нами всегда кто-то есть: если это не парень за соседним столиком, не питомец и не Бог (при условии, что вы верующий человек), то это наверняка ваш виртуальный знакомый, который либо общается с вами в соцсети, либо читает там ваши и чьи-то еще посты. Это также означает, что одиночество всегда преходяще: вот оно есть, а вот его нет. Тогда что такое одиночество? Как оно возникает? Когда и почему мы начинаем его ощущать? Как мы его ощущаем? Когда оно заканчивается? И заканчивается ли? Было бы непомерной дерзостью с моей стороны пытаться предложить сколько-нибудь полное исследование этого состояния. Вдобавок, как писателю, последнее, чего мне хотелось, – это превратить литературный сборник в книжку по психологии. Писательскому труду вряд ли нужно больше психологичности, чем он естественным образом предполагает.

Все главы с 1 по 10 (кроме 6) расположены в той последовательности, в которой они были написаны для блога Los Cuadernos de Julia с 2006 по 2010 годы. Объединяло их, прежде всего, то, что во время сочинения я была одна: мне не с кем было обсудить свои идеи, либо я не хотела этого делать. В строгом смысле слова я никогда не была совсем одна и не писала в уединении: у меня есть родственники и меня неизменно окружали люди, соседи или кто-то за ближайшим столиком, кто мог меня отвлечь. Но никакого взаимодействия у нас не было, я никогда ничего ни с кем не обсуждала, поэтому можно сказать, что одиночество стало методом. Главы с 11 по 18 добавлялись в порядке написания. Мне было важно сохранить свободное движение мысли по разным аспектам темы.

Главы писались по-разному: одни на компьютере, глава 4 – целиком от руки, у других были рукописные наброски. Большинство стихов написаны от руки, но стихотворение из главы 13 напечатано в телефонном приложении. Четвертая глава, написанная за два часа, демонстрирует не только ход мысли, но и *течение времени*. Все они, за исключением глав 16 и 18 и последующих дополнений, были написаны на английском. Со стихами чуть сложнее. С самой первой сказки, которую я сочинила, когда мне было 5 лет, я пишу и стихи, и прозу. В сказке римфованные строчки перемежались с прозой, и здесь вы тоже найдете несколько стихов, некоторые из них были написаны на английском (и для русского издания переведены мною на русский), другие, наоборот, написаны на русском и переведены на английский.

Назначение этого эссе – дать надежду, и кто может сделать это лучше человека, часть жизни проведшего вначале в страдании от одиночества, затем – в его осознании, а ныне пребывающего в полном принятии такого положения вещей? Единственный ребенок из неполной семьи, в какой-то момент я осознала свою склонность и потребность к уединению и противоположное ему относительно постоянное и тягостное чувство одиночества. Чем лучше я узнавала мир и людей, их привычки и образ жизни, тем яснее я понимала, что уединение – это благо, а одиночество не конец света.

Сегодня у меня, в целом, нет проблем с одиночеством ни как с чувством, ни как с состоянием. Я вижу в нем нормальное проявление человеческой природы. Его нельзя отрицать как состояние, однако само по себе одиночество – это следствие какой-то глубокой потребности. Для меня здесь существует определенный лингвистический интерес, потому как мы нередко

путаем вещи и, желая одного, говорим о другом. К примеру, в английском языке есть, по крайней мере, три слова, которые можно перевести словом «одиночество»: это *solitude* (пребывание или проживание в уединении, без явно отрицательной коннотации), собственно одиночество, *loneliness* (иногда с яркой отрицательной коннотацией) и *uniqueness* (если понимать одиночество как человеческую индивидуальность, либо творческую одинокость, уникальность). И все же одиночество обычно понимается в социальном или даже строго физическом смысле, то есть как *loneliness*. Таким образом, говоря об одиночестве, мы подразумеваем необходимость, стремление принадлежать какому-то сообществу людей. Редко кто упоминает об одиночестве в тех случаях, когда ты окружен людьми, несмотря на то что большинство из нас испытало это хотя бы однажды, и я посмею утверждать, что именно такое одиночество мы находим самым невыносимым. Тем не менее, большинство из тех, кого я знаю, обычно считают одиночество жутко неприятной вещью, которая случается, когда рядом никого нет, и потому должна быть избегаема любой ценой, даже за счёт поддержания ненужных связей.

В то же время я не вполне разделяю то представление о самодостаточности, проистекающей из уединенного проживания, как оно представлено в трудах Шопенгауэра. Возможно, причина в том, что истинной самодостаточности вокруг не так уж и много, и под ней, при ближайшем рассмотрении, часто скрывается обида на людей и уязвленное самолюбие, которые и заставляют держаться на расстоянии и избегать общения. Моя неуверенность в посылке философа кроется также в том факте, что всякому человеку нужно общение с реальными людьми, чтобы прийти к непредвзятому мнению. Особенно это нужно писателям. Нам нужны настоящие люди из прошлого и настоящего со всеми их надеждами и слабостями. В литературе нет места высокомерию или обидам, если речь идет о знании жизни. Всякая гиберпола скрывает нечто вполне реалистичное, что существует в социуме – той огромной общей зале, где женщины писали втайне, пока Вирджиния Вульф не провозгласила, что нам нужны деньги и своя комната. Как женщина, я полностью с ней согласна. Однако с тех пор многие писатели, как мужчины, так и женщины, обрели деньги и закрылись в своих комнатах, отчего стиль и предмет их произведений серьезно пострадали. Вот почему меня не убеждает отстраненность Шопенгауэра: она позволяет некоторым людям думать, будто они справятся посредством интуиции и того малого знания о жизни, которое у них имеется. Действительно, мы можем представить многое, перебирая наш ментальный паноптикум, но все же нам нужны живые примеры того, какими вещи бывают на самом деле. Чтения недостаточно, и, в любом случае, вдумчивое, внимательное чтение – это не менее одинокая деятельность, чем писательство.

Я не стремилась внести что-то новое в изучение одиночества как психологического или социального феномена. Перед читателем – литературное произведение, где я одновременно и автор, и лирический герой. Это история о том, как неуверенный в себе одиночка нашел силы преодолеть «закрытый упрямый ум», пойти навстречу людям и наполнить свою жизнь Светом. От одиночества невозможно избавиться иначе, чем открывая себя людям, взаимодействуя с ними. Но, как писал Иосиф Бродский в «Большой элегии Джону Донну», если люди и вещи делят с нами нашу жизнь, тогда кто же разделит смерть? А жизнь после смерти? Разве это не наводит на мысль, что мы всегда – бесконечно – одиноки? Разве это также не намек на божественную природу человека, ибо, если он создан по образу и подобию Бога, тогда он должен научиться переживать своё уединение и одиночество, ведь именно это делал Бог, когда человеческое Время еще не началось.

Я не хочу сказать: «Хватит стонать! Одиночество – еще не самое страшное, что может случиться». В зависимости от ваших обстоятельств и особенностей характера, это может быть совершенно ужасно. Тогда, может быть, что-то в настоящем эссе принесет успокоение, а его незаконченность – ключ к этому, чтобы читатель смог без моих объяснений пройти моим путем и обрести свой. Одиночество, уединение, одинокость – это постоянные состояния, но, как прилив и отлив, они приходят и уходят. Нам нужно всего лишь научиться жить у моря.

1

Помню, в 2005 году один режиссер в разговоре пожаловался мне, что ему нужно написать статью о своем фильме. Он признался, что мог говорить на эту тему сколько угодно, но писанина наводила на него тоску. Как человек, который, судя по всему, вместо серебряной ложки родился с пером в руке, я, конечно же, спросила, что именно ему не нравится. Он ответил: «Писать одиноко».

Разумеется, сейчас, когда я пишу всё это в небожески поздний час, мне приходится признавать, что чисто физически писать действительно одиноко. Однако умственная деятельность писателя может быть довольно стимулирующей и даже скандальной, если вспомнить о произведениях маркиза де Сада, часть которых он написал в тюрьме, а другие – в сумасшедшем доме.

В 2006 году, когда «упражнения в одиночестве» только начинались, перспектива быть одной переполняла энтузиазмом. Я познала опыт потери близкого человека, мне предстояло рано или поздно прекратить супружеские отношения, которые не имели будущего, при этом творчество требовало движения вперед, а силы уходили на преодоление «одиночества в толпе». Я страстно желала покоя, уверенности хотя бы в себе и независимости – и получила сполна. Не то что я не хотела делиться работой или успехом, однако я была намерена добиться всего самостоятельно, в первую очередь. Наверное, я неосознанно черпала вдохновение в знаменитой песне «Нью-Йорк, Нью-Йорк», переиначивая строчку так: «если я смогу сделать это сама, я смогу сделать это и с кем-то».

Мне предстояло обнаружить, что мы все всё можем сами, однако на это зачастую уходит куда больше времени, чем если бы нас окружали единомышленники. Постепенно пересмотрев отношение к одиночеству, я, впрочем, не изменила мнение о писательстве. Это не одинокий опыт; когда я пишу, я представляю себе целый мир, где я живу и как герой, и как создатель. Компанию мне составляют другие персонажи, и даже когда я пишу научную статью или заметку о районном центре досуга, меня всё так же окружают факты, цифры и люди. Писательство – восхитительный опыт, в моем понимании, мало отличающийся от режиссерского, хоть я понимаю, насколько интереснее и сложнее работать со съемочной группой из живых людей. Это дарит куда большее удовлетворение, чем когда вы управляете миром, который существует только у вас в голове и, возможно, существовал добрых пять столетий назад.

Однако чем дольше вы одиноки и чем больше лелеете это состояние, тем более бесчувственным вы становитесь к внешнему миру. Такой исход нельзя считать неизбежным, но одиночество превращается в привычку, оно ослепляет, и, чтобы вывести вас из этого состояния, понадобится определенного масштаба катастрофа. Так мы становимся Тони Камонте из «Лица со шрамом»: одержимые властью, дарованной одиночеством, и совершенно глухие к страданиям других.

2

Для начала несколько зерен мудрости из «Истории моей жизни» Казановы¹:

«Мои заблуждения укажут мыслящим превратные пути или научат их великому искусству быть настороже. Всё дело в храбрости, ибо сила без уверенности не служит ни к чему».

«Что касается женщин, то тут обманывают друг друга взаимно, и это не идет в счет – ибо раз замешалась любовь, то, как общее правило, обе стороны бывают равно одурачены».

(Казанова знал это лучше многих: его связь с Ла Шарпийон – очаровательный, хоть и очень горький, случай, когда женщина обвела мужчину вокруг пальца. Эта «любовь», которая так никогда и не была удовлетворена и стоила Казанове 2000 гиней, увенчалась «днем дураков», когда Казанове не позволено было пройти к Ла Шарпийон, поскольку она была якобы при смерти. Безутешный авантюрист решил утопиться в Темзе, но проходивший мимо приятель его отговорил. Вместе они пришли в сад Ранелаг, где глазам Казановы явилась его дражайшая (во всех смыслах) возлюбленная, которая танцевала, оскорбительно прекрасная и здоровая).

Далее, продолжая фразу Гюисманса:

«У литературы есть лишь одна причина существовать: она спасает пишущего от уныния бытия»,

вот еще отрывок из «Истории...» Казановы, убедительно доказывающий точку зрения французского писателя:

«Я написал историю моей жизни... Но хорошо ли я поступаю, отдавая её на суд публики, дурные свойства которой мне слишком хорошо известны? Нет, я сознаю, что совершаю легкомысленный поступок; но раз я чувствую потребность занять себя и посмеяться, зачем мне воздерживаться от этого?... Вспоминая удовольствия моей жизни, я законо переживаю их, я наслаждаюсь ими второй раз, и я смеюсь над горестями, которые претерпевал и которые более уже не чувствую».

Действительно, человеку, посетившему многие страны и места и знавшему так много людей, тяжело было обнаружить себя на должности библиотекаря в старинном замке Ду, особенно поскольку его здоровье также ухудшалось. В замке не происходило ничего интересного, потому единственным спасением для Казановы стало его собственное прошлое, о чем он так емко сказал своей знаменитой фразой: «моя жизнь – мой предмет, а мой предмет – моя жизнь».

Утверждая, что мы счастливы быть одинокими, мы дурачим сами себя. Я только что сказала, что одиночество может превратиться в привычку, и, подобно Казанове, этому можно сопротивляться. Но я искренне сомневаюсь, что кому-то по-настоящему хотелось бы остаться одному навсегда. Робинзон Крузо нашел себе Пятницу, а мы неизбежно приписываем антропоморфные черты нашему, в целом, одинокому миру. Заботимся мы о животных или о книгах, они превращаются в нечто, что нам не хотелось бы потерять: полностью очеловеченным продолжением нас самих.

Читателю, разумеется, хочется узнать, с чего это я начала размышлять и писать об одиночестве. Диана Арбус как-то сказала, что тема выбирает художника, а не наоборот. В детстве я всегда была одна. Я была единственным ребенком в семье. Я любила слушать пластинки,

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Джованни Джакомо Казанова. Мемуары. СПб.: Азбука Классика, 2006

читать, петь, рисовать, а в 5 лет написала свою первую сказку. В начальной школе мне впервые пришлось пережить одиночество в толпе и даже тяжелый прессинг (если не сказать – буллинг) со стороны некоторых одноклассников. Много позже, когда по Англии прокатилась волна подростковых самоубийств из-за буллинга, я впервые поймала себя на мысли, что эти погибшие ребята переживали что-то схожее с моим школьным опытом. И однако же именно тогда, в детстве, я вовсе еще не осознанно посчитала правильным простить своих обидчиков. «Неосознанно», потому что я ничего не знала о вере, имея пантеистический взгляд на мир, подкрепленный чтением античных легенд и мифов.

В подростковом возрасте я впервые пережила период (как, возможно, и многие из вас), когда мне сознательно хотелось быть одной. Одно из ранних стихотворений (1996 года) хорошо описывает это время:

Я одиночество люблю,
Об одиночестве молю.
Я не прошу мне лишних дней –
Хочу соединиться с Ней.
Давно скитаюсь по Земле,
Я ночи провожу в мольбе.
Я в ней нашла свой идеал:
Он мне любим и дорог стал.
Я день и ночь иду вперед,
Не зная, что мне путь несет.
Все испытания пройду,
Но я мечту свою найду.
И дух воспрянет ото сна,
Лишь небеса шепнут: «Она!»
И явится из темноты,
Из-под небес, из недр земли,
Без плоти, в тайну облачась
И надо мной слегка клонясь,
Шепнет мне тихо, чуть дыша:
– Очнись, я здесь: твоя Душа!

Сейчас очевидно, что таким образом я выражала желание обрести внутренний покой, а не стремление покинуть этот мир, как можно было бы предположить. Так звучал голос подростка из 1990-х, искавшего твердую почву под ногами и – любовь. Но, углубляясь в творчество, знакомясь с историей жизни разных авторов, я узнавала, что им тоже было свойственно чувствовать себя одиноко, жить уединенно, да еще и зарабатывать вовсе не писательским трудом. Я никогда не разделяла идею, что художник должен быть голодным; во всяком случае, мне было ясно, что имеется в виду отнюдь не физическое голодание, от которого больше шансов протянуть ноги, чем создать шедевр. Тем не менее, я была готова к тому, что и мой писательский путь будет тернист, и я сменю пару-тройку профессий и узнаю жизнь с самых разных её сторон, прежде чем полностью посвящу себя литературе.

В университете я обнаружила, что разрываюсь между внутренним покоем, который дарил штудии и творчество, и чувством, что мне хочется стать половиной пары. Дело осложнялось моим твердым убеждением, что семейная жизнь должна быть полна страсти, а то и Страстей. Ничего похожего на мир и покой, как вы можете себе представить. В это же время несколько знаменитостей заявили в интервью, что их семья – это «тихая гавань». Это выражение меня испугало, от него веяло той особой мещанской тоской, которая лично мне внушала

отвращение. Как истинный романтик, я была убеждена, что в любви должны быть рыцарские подвиги, великие испытания и абсолютная вера в ваш союз и счастье вопреки всему. Поэтому любовь могла быть бурной, жаркой, со множеством проблем, лишь бы не напоминала о «скуке жизни». Между прочим, о Гюисмансе я тогда еще не знала.

Как позже с независимостью, я с лихвой получила, чего хотела. Мой брак внешне напоминал тихую гавань, однако за этим благородным фасадом находился стакан воды, в котором непрестанно бушевали бури.

Естественно, долго так продолжаться не могло, и после пяти лет брака мы решили развестись. Моей первой реакцией на произошедшее было утешиться знакомой идеей отшельничества, которое якобы изначально было мне предуготовано. Однако в 26 лет я уже старалась смотреть на вещи трезво, без лишних эмоций, а опыт в разных сферах жизни убеждал, что я очень способный человек. Мне показалось бессмысленным, что я почему-то могу быть не способна к нормальной семейной жизни. Впрочем, искать новую любовь мне даже не пришло в голову. Вместо этого я всё-таки уединилась и принялась разбирать дебри собственных противоречивых представлений о браке, семье и человеческих отношениях.

В конце концов, я призналась себе, что тоже хочу жить в тихой гавани. К тому времени мне открылось, что жизнь за стенами дома весьма непредсказуема, и единственным местом, где можно было набраться уверенности и сил для продолжения дел, были дом и семья. Именно они должны быть и оставаться первым, главным и единственным местом, куда мы обращаемся за поддержкой, утешением и верой.

Конечно, всё это – поддержку, утешение, веру – можно получить и от себя, и некоторые из нас становятся мастерами по этой части. Но, поверьте, истинное чудо – это когда твои родные и близкие верят в тебя, берут с тебя пример и с гордостью отзываются о тебе.

С мужем мы больше не воссоединились. Мы устали от своего опыта семейной жизни, поэтому каждый жил сам по себе, но оформлению развода постоянно препятствовали обстоятельства. А потом я оказалась в ситуации, когда о супругах надо говорить или хорошо, или ничего, кроме правды. Но первые браки всегда заключаются по любви ко всему хорошему, что есть в человеке, а правда, какой бы она ни была, нужна только нам самим, чтобы не повторять ошибок.

К своему женскому одиночеству я отнеслась спокойно. Как историк, я верю в цикличность, поэтому подождать не так уж и трудно. Французский писатель, о котором пойдет речь ниже, сказал так: «удовольствие состоит не в том, чтобы быть одному, но в том, чтобы быть способным к одиночеству». Я полностью согласна, ведь всем известно, как часто мы окружаем себя людьми, лишь бы не быть одним, хотя далеко не всегда эти люди нам полезны и нужны.

И всё же тема, которую так щедро подпитывал личный опыт, не могла меня не увлекать. Мне хотелось понять, почему мы одновременно и боимся одиночества, и стремимся к нему, и что происходит по достижении внутреннего мира, который одиночество якобы приносит. У меня зрело чувство, что уединенное проживание, с редкими выходами из дома или отсутствием заботы о ком-либо, вряд ли могло закрыть все пустоты. После периода эволюционного развития в тишине и покое людям обычно требуется какая-нибудь «революция», потому что, «ну, знаете, мы все хотим изменить мир»².

² Имеется в виду песня «Revolution» группы The Beatles

3

Вообще, я люблю не спать ночами. Я люблю время, когда можно читать или писать, а тебя никто не тревожит. Есть лишь одно «но»: я предпочитаю наслаждаться тем, что я делаю. Прямо сейчас мне нужно приняться за длиннющий текст о мученичестве в сикхизме. И хоть я уже всё знаю и понимаю, что и как писать, мне крайне трудно за это взяться, потому что – бог свидетель! – я предпочла бы писать о чем-то другом, что вдохновляло бы и дарило простор для творчества.

Не спать ночью никогда не вызывало трудностей. Даже не знаю, откуда у меня такая способность. Мои однокурсники в МГУ на полном серьезе спрашивали, что делать, чтобы не заснуть. Обычно вопрос возникал в период экзаменационной сессии. Я никогда не сподобилась дать ни одного дельного совета, они же, насколько я знаю, никогда и не бодрствовали ночь напролет.

Сочинять скучные тексты тоже не в новинку. Сейчас мне нужно написать всего-то страниц пятнадцать. Тема мученичества охватывает такие сферы, как история, философия и религия, а все события происходят в Индии в течение 17 века. Конечно, Азия не Европа, но и всё-таки ничего необычного в 17 веке нет. Думаю, это всё из-за *него*. Он – это Паскаль Киньяр. С тех пор как я прочла «Террасу в Риме», мне хотелось найти и прочесть как можно больше его книг. Как следствие, с 2006 года я прочла всё, что было переведено на русский, а также несколько книг на французском, например, трактат о языке и замечательный сборник эссе о мировой живописи. (Месяе Киньяр остается одним из моих самых любимых авторов из ныне живущих классиков современной литературы).

Киньяр очаровывает меня истинной *joie d'ecrire*. Хороший писатель должен любить людей и язык. Это не значит, что ему неведомы человеческие недостатки, однако он должен верить, что Любовь – единственная сила, которая правит миром. Тщательная работа над текстом подразумевает любовь к читателю. Автор может и не знать, кто именно возьмет в руки его книгу, однако, взяв, этот кто-то должен, по крайней мере, почувствовать уважение к себе как читателю. Любовь к языку проявляется, помимо общей грамотности, в разнообразии литературных приемов, используемых при создании произведения, и в способности подобрать точные описания. Киньяр и тем, и другим владеет в совершенстве, из-за чего некоторые походя замечают: «Ах, он же *эстет!*» В этой фразе отчетливо звучит ирония, если не презрение, даже если слова появились на экране компьютера. Осмелюсь сказать, что в мире, где эстетика свелась к идеально подстриженной бороде, многого стоит – найти автора, чье владение языком выходило бы за пределы повседневного и тем более традиционного обихода. Именно язык, лишенный вещественного воплощения, но при этом наделенный неиссякаемой мощью, и приближает нас к божественному источнику Бытия.

В своей читательской жизни я пережила несколько очень интенсивных «романов» с разными писателями. Среди тех, чье творчество я поглощала с особой жадностью, стараясь найти и прочесть как можно больше, были Шекспир, Хемингуэй, Чехов, Булгаков, Генри Миллер, Моэм, Зюскинд, Гарсиа Маркес, Варгас Льюса, Воннегут. А также Уайльд, Превьер и русские поэты всех времен. И, конечно же, Киньяр. В литературе я сознательно стремилась объять необъятное, поэтому читала (или пыталась прочесть) практически всё, что было написано и достойно прочтения. Поскольку в Университете я изучала историю, то я также с упоением читала античных драматургов, трубадуров, поэтов Ренессанса, философов 17 века, литературные произведения эпохи Просвещения и прозу и поэзию стран Востока. И даже такие авторы, как де Сад и Батай, не остались без моего внимания.

Такая читательская экспансивность может насторожить или вызвать улыбку, поскольку встает закономерный вопрос: как из этой какофонии должно родиться что-то свое? Отвечу

от противного: меня всегда настораживает, когда начинающие (а иногда и действующие) литераторы настойчиво работают в русле только одной традиции или одного жанра и годами не меняют стиль. Литературное наследие человечества столь огромно и многообразно, что синтез направлений выглядит сам собой разумеющимся. Ну, и настоящее преступление против литературного процесса, – когда работа ведется «под» конкретного автора. Конечно, читая Булгакова и упиваясь им, можно в какой-то момент начать писать, как он, однако наша задача – научиться тому, что есть только у Булгакова, и пойти дальше. На этот случай у Киньяра есть цитата: «Нужно много читать, а писать еще больше». Задача чтения для литератора – изучение тем, идей, характеров, приемов с одной целью: развить свою речь, создать собственный стиль, который будет замечен не только в художественных произведениях, но и в повседневной жизни. Как в «Пирогам и пиве» замечает Моэм, «писатели столько времени проводят в работе над собственным стилем, что и в обычной речи начинают следить за тем, как они говорят». Однако на одном-двух «любимых» авторах далеко не уедешь, не говоря о том, что при такой скудости не получится развить художественный вкус, а это едва ли не единственное, что позволит в дальнейшем, следуя завету Пушкина, быть себе высшим судьей, прилежно работая над собственными текстами, прежде чем выпустить их в свет.

В итоге, моя бессонная ночь никогда не была одинокой. Да и как она может быть таковой, когда вы оказываетесь в постели, если так можно выразиться, с хорошим драматургом, поэтом или писателем. Кто-то уверенно заявит, что живой мужчина лучше мертвого Шекспира. Соглашаясь с этим утверждением, лично я надеюсь никогда не дойти до такого состояния ума, когда стану утверждать, что книги лучше людей. И всё же быть наедине с собой и с чашкой чая или кофе читать или писать (а с 2003 года – еще переводить и редактировать) – это блаженство. Единственное, что может разрушить такое счастье – необходимость делать то, что не хочется, будь то написание текста, работать над которым нет желания, или пустые разговоры.

Еще одна причина моего восхищения Киньяром – его широчайшая эрудиция. Паскаль Киньяр, философ и виолончелист, специалист по барочной музыке, помимо создания трактатов и романов, переводил с латыни, древнегреческого и японского. Его романы часто происходят в разных странах и в разное время. И однако все они удивительно легко читаются, при этом ни один нельзя назвать слишком длинным. Благодаря абсолютному слуху, как в музыке, так и в литературе, автор, кажется, точно знает, когда остановиться.

Я много читаю на нескольких языках и всегда с удивлением наблюдаю, как авторы пытаются втиснуть в свое повествование как можно больше информации и фактов. Лаконизм, говоря словами Бальзака, опасен тем, что «похож на молнию: он вас ослепляет, и вы уже толком не знаете, куда вас ведут»³. Однако т.н. «интеллектуальная литература», выходящая из-под пера менее способных, чем Эко или Варгас Льюса, авторов, порой напоминает кунсткамеру, которая наводит на читателя ужас одним своим размером, не говоря о содержании. Не так давно я прочла несколько семисотстраничных романов, и каждый раз меня посещало чувство, что их можно было «выжать» и тем сократить как минимум наполовину. Коммерческие задачи также требуют превращать истории в литературные сериалы, однако некоторые романы, получившие Нобелевскую премию, не превышают в объеме 300-400 страниц. Зачастую именно они производят неизгладимое впечатление.

Литература – это искусство купюр, ее задача – найти такую форму, которая наилучшим образом соответствовала бы содержанию и воплощала замысел. В немом кино операторы передвигали камеру и выставляли свет, чтобы рассказать историю при помощи визуальных средств выражения. Так и писателю следует использовать язык и соответствующие средства, чтобы давать точные описания, при этом не впадая в многословность. Я даже верю, что писатель и кинорежиссер во многом похожи. И тот, и другой – творцы, которые должны быть ограни-

³ Моруа, Андре. Прометей, или Жизнь Бальзака. М.: Радуга, 1983. С. 158

чены – в хорошем смысле слова – своим искусством, если уж не бюджетом или количеством слов, чтобы создать произведение, в котором авторские идеи будут воплощены при максимально точном использовании соответствующих художественных средств. Как не все знаменитые киноэпопеи требовали больших денег, так и для хорошего романа не нужно слишком много страниц.

В произведениях Паскаля Киньяра каждая сцена и каждое слово занимают только им предназначенное место. Лаконизм и точность делают повествование удивительно глубоким и ярким. Здесь нет подробных описаний, которые наводят на мысль, что автор пытается уложиться в лимит слов. Нет витиеватости, хождений вокруг да около и непрерывных повторов. Вместо громады слов перед нами – виртуозное воплощение писательской идеи, для которой найдена идеальная форма, отчего повествование течет непринужденно, как лучшие импровизации. Такова музыка Паскаля Киньяра.

4

Я сижу в «Корнерхаусе» на втором этаже. Людей еще не так много, и мне повезло-таки найти себе столик у окна в самом дальнем углу. Люди едят, пьют, болтают, а за соседним столиком сидят две девушки-испанки в одинаковой одежде, с ноутбуками.

Почти семь вечера. Путь на работу утром занимает мало времени, или так просто кажется, потому что я спешу. Но вечером возвращение длится слишком долго. По правде, оно длится немногим больше, чем утренний путь, – примерно на двадцать минут дольше, – но каким-то образом я отдаю себе отчет в этой разнице.

И вот я сижу здесь, пишу всё это, а чай в изящном стакане еще довольно горячий, но он остывает, пока я закончу писать.

Что же я хотела сказать? Я пришла сюда с намерением продолжить рассуждения о самоопределении и категоризации. Я провела весьма плодотворно полчаса в поезде, заполняя словами разлинованные страницы репортерского блокнота. Генри Миллер и многие писатели иже с ним назвали бы это «диктовкой». Это такое чудесное состояние вещей, когда ощущаешь себя инструментом в чьих-то руках, и этот некто откуда-то издалека шепчет в мундштук слова, и они летят со скоростью света приземлиться у тебя в голове, чтобы быть услышанными и открытыми.

Мне не нравится одиночество. Я не желаю одиночества. Но чаще, нежели наоборот, я хочу быть одна, чтобы запечатлеть моменты, подобные этому. Когда этот момент закончится, я, возможно, почувствую опустошение, не будучи ни в чем уверена: ни в будущем, ни в прошлом, ни в настоящем. Но как иначе я должна ощущать себя, когда в поезде я неожиданно и ясно осознала, что не принадлежу ничему другому, кроме как этой огромной массе людских тел, именуемой человечеством, – и если я была счастлива это осознать?

Это не означает, что мне не нужны дружба или союз. Это просто значит, что я хочу дружить или вступать в союз как человек. Я хочу дружить или вступать в союз по сути, а не по категории. А наша единственная суть глубоко, до боли, непреложно человечна. Это не наши религиозные или политические взгляды, национальность, пол, сексуальность или социальная группа. Это то, что остается после того, как сорваны все эти «айдентити»: фигура человека, вечно неуверенная, вечно ищущая принятия, отчего она и пытается найти себе определение, порой просто идеи ради. Право, ведь мы не привыкли и не можем позволить себе ходить без одежды, а что такое любая из категорий, как не еще один костюм, который нам требуется носить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.